

УДК 811.161.1

**ОТСУБСТАНТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
С СУФФИКСОМ -ЬН- В МОСКОВСКОМ
ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ 1479 ГОДА**

И.В. Ерофеева

Аннотация

В статье рассматриваются функциональные особенности производных адъективов с суффиксом -ьн- в Московском летописном своде 1479 года. Выявляются случаи свободного и связанного употребления прилагательных в составе сочетаний формульного характера. Определяется их семантическая структура, грамматическая дистрибуция, синтагматические особенности, анализируются словообразовательные связи, что дает комплексное представление о специфике употребления производных адъективов в старорусский период истории языка.

Московский летописный свод 1479 года (далее МЛС) создавался в эпоху становления Московской Руси в старорусский период. В это время существенными становятся признаки, которые позволяют выделять сходства и различия вещей. «Для реалиста важна установка на метафору, т. е. на свободное оперирование всеми признаками, уже извлеченными сознанием из цельности вещей по их сходству и представленными в языке самостоятельной частью речи (в форме имени прилагательного)» [4, с. 12–13]. Возникновение прилагательного как части речи было обусловлено необходимостью передачи конкретных представлений о качестве, важных для практической деятельности средневекового человека. Поскольку летописные своды широко отражают разные стороны жизни средневековой Руси: правительственную, церковную, хозяйственную, военную и другие, то они дают представление о реализации категории качества в конкретных языковых единицах, а также об их синтагматической дистрибуции. Изучение языковых особенностей летописных сводов позволяет проследить за процессом формулирования понятий и организации языковой картины мира средневековья, за воплощением культурных ценностей в определенных языковых сущностях, так как именно в слове отражаются особенности восприятия мира человеком, хранится и передается исторический опыт народа.

Общность происхождения прилагательных и существительных связана с долго существовавшим синкретизмом вещи и ее признаков. Возникшая необходимость в обозначении признака в отвлечении от предмета, независимость определения от контекстной формулы речи привела к развитию имени прилагательного на синтаксической основе определения.

Самым распространенным средством образования прилагательных в древнерусском и других славянских языках является суффикс *-ьн-*. В Московском летописном своде, как и в других памятниках письменности, он представлен в трех вариантах: *-ьн-*, *-н-*, *-ен-*. Первый вариант отражает древнейшее состояние языка: в нем представлен редуцированный гласный. Вариант *-н-* появился в результате падения редуцированных. Третий вариант *-ен-* возникал при наличии в конце основы двух или трех согласных: *собственнымь, божественную, молитвенное* и др.

Суффикс *-ьн-* уже с древнейшего периода обнаруживал универсальность словообразовательных связей, способность соединяться как с глагольными, так и с именными основами. Опосредованная зависимость от глаголов (через корневые имена) является наиболее древним типом связи между прилагательными на *-ьн-* и глаголами, а затем уже стало возможно и непосредственное образование прилагательных на *-ьн-* от глаголов [2, с. 155]. Признание данной точки зрения на путь развития суффикса *-ьн-* дает объяснение его универсальному использованию в славянских языках, его продуктивности не только при именных, но и при глагольных основах.

При помощи суффикса *-ьн-* образовывались имена прилагательные от основ существительных разнообразной семантики, обозначающих разные виды отношения к предмету. Ограничения словообразовательной активности суффикса *-ьн-* были связаны со следующими факторами: семантическим (этот формант практически не осложнял основы одушевленных существительных – с этой целью чаще использовался суффикс *-ьск-*) и структурным (после падения редуцированных и превращения суффикса *-ьн-* в *-н-* создались ограничения в присоединении этого форманта к основам, имеющим в исходе группу согласных).

Производные от одушевленных существительных в Московском летописном своде представлены единичными примерами, как и в древнерусском языке вообще [3, с. 24]. Они оформлены суффиксом *-ьн'*, возникшем в результате осложнения суффикса *-ьн-* суффиксом *-ь'*, унаследованным еще от индоевропейской эпохи. Одной из областей функционирования данного суффикса был узкий круг основ со значением родства [3, с. 12]. Большинство производных на *-ьн'* выступает в роли заместителя косвенного падежа существительного, что составляет исторически устойчивую характерную черту славянских языков: *на столѣ дѣдни и отечни* (1154); *матерню болезнь* (1160); *матерне въздыхание* (1389); *у отечня гроба* (1217); *без отечья повелѣния* (1161); *заповѣдь отечню* (1073). Использование прилагательных вместо конструкций с родительным падежом, как видно из приведенных примеров, несет определенную стилистическую функцию, придает словосочетанию возвышенность. Особое место занимает прилагательное *владычнии*, которое могло иметь значение «относящийся к богу», представленное в единичных примерах: *пред образом владычимъ* (1451). Во втором значении – «относящийся к владыке (архиерею)» – оно более частотно в летописном тексте и при этом выступает как в относительном, так и в притяжательном значении: *моление владычне* (1241); *мольбы владычни* (1255); *владычне челобитье* (1478). Притяжательное значение актуализируется в словосочетаниях с существительными конкретной семантики, в окружении прилагательных на *-ьск-*, прежде всего в полной форме: *земли владычних и бо-*

ярьских и монастырьских (1478); волостей владычных да и монастырьских да Новоторжские (1478); владычных речеи (1480); реже – в краткой форме: владычнь дворь (1369); в владычнѣ селѣ (1477); дьяк владычнь (1478).

В образовании прилагательных от названий животных суффикс -ън- не выдерживал конкуренции с суффиксами, специализировавшимися в этой сфере (-ј-, -ин-), поэтому такие адъективы немногочисленны. В тексте МЛС к ним относятся **коннии**, **гогольнии** и **рыбнии**. Прилагательное **коннии** в единичных случаях имеет широкое значение «относящийся к коню, конский»: на коньном торгу (1204); в большинстве случаев оно выступает со специальным военным значением «имеющий в своем распоряжении коня (для несения военной службы)»: судовою ратью и конною (1469); коннаа рать (1469); коннии Татарове (1469).

Большая часть зафиксированных в летописи прилагательных на -ън- соотносится с существительными неодушевленными. Они образуются от производящих основ самой разной семантики.

1. Наиболее конкретными в выражении отношения к указанному в производящей основе слову с древности оказались те прилагательные, которые мотивировались существительными предметной семантики. Именно прилагательные этой группы были функционально близки косвенным падежам существительного, особенно родительному беспредложному, что давало им возможность сочетаться с обширным кругом имен [1, с. 8]. Прилагательные с суффиксом -ън-, соотносимые с существительными конкретного значения, характеризовались указательно-отсылочным значением, способностью определять широкий круг существительных. Часть прилагательных данной группы соотносилась с существительными, называющими населенный пункт, помещение: **городнии (граднии)**, **дворнии**, **горничнии**, **стольнии**. Полногласный и неполногласный варианты прилагательного **городнии (граднии)** не дифференцируются по семантике, однако отличаются сочетаемостью. Если полногласная форма определяет только имена существительные конкретного значения: *стѣнь городных* (1239); *пристроа городного* (1472); *приправа городнаа* (1473); то неполногласная – как существительные конкретной, так и отвлеченной семантики, а также существительные, называющие группу лиц: *градънаа кровля* (1473); *къ вратом градным* (1183); *на градных забралахъ* (1382); *градные каменные зубци* (1428); *мятежь граднии* (1382); *твердости ради градныя* (1408); *граднии народ* (1451); *людми градными* (1096).

Имена, мотивированные существительными конкретной семантики, выступают в летописном тексте в основном как моносемантические образования, характеризующие отношение к тому предмету, который указан в производящей основе: **дворнии**, **горничнии**, **стольнии**: *сторожи дворные* (1175); *дворные люди* (1215); *въ дворех горничных* (1441). **Стойнии** в сочетании со словом **градъ** имеет терминологизированное значение «столица, местопребывание великого князя», связанное со **столь** в значении «престол»: *град их столны славнии* (1393); *въ славнии и стольнии град Владимирь* (1394).

Другие прилагательные данной группы в сочетаниях с существительными выражали разного рода пространственные отношения, характеризующие место расположения предмета: *на горнюю сторону* (1360); *до кладязя площадного*

(1472); *житничной двор* (1473); *дворец житничной* (1473); *уличнии мосты* (1421). Они могли выражать также целевые значения, например: *в постелном шатрѣ* (1217), где **постелный** – «спальный, предназначенный для спанья».

Целый ряд прилагательных образуется от существительных религиозной семантики, обозначающих атрибуты церковного назначения. Прилагательное **крестный** является наиболее употребительным среди лексем, связанных словообразовательными отношениями с именами существительными религиозного значения. Оно фиксируется в устойчивых конструкциях, обнаруживая определенную грамматическую дистрибуцию в тексте. **Крестный** в большинстве случаев выступает как атрибутивный компонент в синтагмах с отглагольным существительным **цѣлование**. Данное сочетание передает объектные отношения, выражая специализированное значение «клятва, присяга, подтвержденная целованием креста». Относясь к лексике, закрепившейся в составе устойчивой формулы, прилагательное **крестный** обнаруживает определенные синтаксические особенности употребления, связанные с содержательными линиями контекста. В местном падеже оно выступает в устойчивой синтагме с существительным **цѣлование**, где атрибут находится в препозиции к субстантиву. Данное сочетание выражает как значения места и времени, которые могут совмещаться в пределах одного словоупотребления: *стоите въ крестном цѣловани* (1147); *не наступати на Русь на крестномъ целованье* (1352); так и вторичное для местного падежа значение состояния: *преступлении въ крестном целовани* (1447) и др.

В форме родительного падежа прилагательное **крестный** также отмечается только в сочетании с существительным **цѣлование**. В таких синтагмах управляющий глагол или соответствующее отглагольное имя, причем не только с семантикой действия, но и со значением действующего лица, имеет семантику отрицания. Формы родительного падежа выражают при этом количественно-отделительное значение: удаления, лишения, исключения: *крестного целование забывъ* (1284); *не буди крестного целованиа* (1330); *изменити крестного целованиа* (1408); *преступити крестного целованиа* (1469); *преступление крестного целованья* (1477); *на отступников и крестного целованиа преступников* (1477). В большинстве случаев в родительном падеже отмечается флексия -ого, возникшая в результате воздействия форм неличных местоимений на формы прилагательных в единственном числе. Отмечаются в летописном тексте и немногочисленные исходные формы родительного падежа членного склонения с флексией -аго: *не съступи крестнаго цѣлованиа* (1161); *крестнаго цѣлованиа забыша* (1175).

В дательном падеже, отличающемся однозначностью и выражающем значение «дальнейшего объекта» или «косвенного объекта» [6, с. 299], прилагательное **крестный** отмечается чаще всего в беспредложных конструкциях: *рад бысть крестному цѣлованию* (1149); реже – в конструкциях с предлогами, в которых реализуется временное значение: *призваша... по крестному цѣлованью* (1322); или пространственное значение, которое совмещается с целевым: *приведе их к целованью крестному* (1446).

В творительном падеже круг существительных, которые определяет слово **крестный**, оказывается более разнообразным. При этом оно выступает в суб-

стантивно-адъективных синтагмах устойчиво-религиозной семантики, обозначая прежде всего орудие и способ действия: *знаменався крестным знаменемъ* (1074); *оружием крестным свободити град Псковъ* (1243); *укрепивъ князя Михаила крестным ѡцѣлованиемъ* (1366); *утвердишися с Ростиславичема крестным ѡцѣлованиемъ* (1175). В предложной конструкции выражается сопроводительное значение: *послалися съ крестнымъ целованьемъ* (1147). В творительном падеже прилагательное **крестный** отмечается также в сочетании со словом **сила** в устойчивом значении «всемогущество, всеисилие христианского креста». Данная субстантивно-адъективная синтагма выступает в ряду однородных словосочетаний, в которых постпозиция прилагательного подчеркивает его смысловую значимость: «*Тѣм же пособьемъ божиемъ и силою крестною и молитвою дѣда своего по ѡца прежде всѣх на противныя*» (1149).

В винительном падеже прилагательное **крестный** выступает прежде всего в сочетании со словом **грамота** в устойчивом значении «грамота, утвержденная крестным целованием, присягою», где слово **крестный** означает «крестное целование», что является примером семантического включения. Данное словосочетание имеет грамматическое значение прямого объекта: *грамоту их крестную...присла* (1405); *посла к ним крестные грамоты* (1147); *разверже с нимъ грамоты крестные* (1196). В винительном падеже адъектив **крестный** отмечается и в сочетании со словом **ѡцѣлование**, чаще в беспредложной форме: *преступилъ есть крестное ѡцѣлование* (1152); реже – в предложной конструкции: *чресь крестное ѡцѣлование* (1347); *на крестное целование* (1446).

Единичными примерами представлены конструкции с прилагательным **крестный** в именительном падеже, выступающие в синтаксической функции подлежащего: *сила крестнаа объявила* (1147) или в функции предиката: *бѣ бо ему сынъ крестной* (1341). В летописном тексте отмечается только один пример сочетания прилагательного **крестный** с одушевленным существительным **сынъ** в значении «крестник», хотя в древнерусском языке оно могло сочетаться и с другими существительными со значением родства.

Другим частотным прилагательным этой группы является **церковный**. Оно отличается широкими сочетаемостными возможностями, что не характерно для большинства производных прилагательных в летописных текстах. Способность определять понятия разнообразного характера свойственна прилагательным, несущим важную смысловую нагрузку, являющимся концептуально значимыми для культуры и религии средневековья, типа **великий**, **святый** и под. Прилагательное **церковный** выступает как атрибутивный компонент в синтагмах с существительными разнообразной семантики, при этом в значении прилагательного реализуются разные оттенки отношения к производящему существительному **церковь**, объем понятия которого включает развившуюся вследствие метонимического переосмысления широкую систему значений. Прилагательное **церковный** может выступать с конкретно-предметным значением «относящийся к церкви, как к храму»: *пред враты церковными* (1319); *къ дверемъ церковнымъ* (1446); *церковными узорочыи* (1377); *с мостомъ церковнымъ* (1479); *злато и сребро церковное* (1175); с отвлеченным значением «относящийся к церкви как к совокупности верующих»: *по преданию церковному* (1417); *о церков-*

ных *дѣлех* (1396); *съ степеней церковных* (1400); *церковная исправления* (1377); с личным значением «служащий в церкви» или «находящийся в ведении церкви»: *чину церковному* (1437); *мятежникъ церковныйи* (1417); *дѣлателемъ церковнымъ* (1472); *от церковныхъ людеи* (1193).

Остальные производные адективы религиозной семантики отмечаются как единичные формы, обозначая атрибуты церковного назначения, время религиозных событий, способ религиозных действий: *иконная крута* (1373); *столпы киотныя* (1204); *преграды олтарныя* (1204); *на верьбной недѣле* (1376); *почитания книжнаа* (1074); *книжнаго писания* (1406). Отдельные формы выступают в значении существительного, например *опресночныи*, которое имеет как конкретное значение «ритуальный хлеб у католиков», так и развившее в результате метонимического переосмысления отвлеченное значение «догматы католической церкви, признающие причащение пресным хлебом за правильное, истинное».

2. Вторую группу образуют производные прилагательные с суффиксом -ьн-, мотивированные именами существительными вещественного значения. В МЛС отмечается небольшая группа подобных образований. Часть из них отличается высокой частотностью употребления, например адективы, образованные от основ *желѣзо*, *камень* и *серебро*. Прилагательное *желѣзныи* отмечается как в свободном, так и в устойчивом употреблении, как в прямом значении «сделанный из железа», так и в переносном – «сильный, крепкий, суровый», развившемся уже в древнерусский язык: *замкы желѣзныя* (1204); *ужа железны* (1318); *чѣти желѣзны* (1473); *врата желѣзна* (1382). В сочетании со словом *полкъ* оно имеет специальное значение «воинское соединение немецких рыцарей»: *желѣзному полку* (1268). Оно может входить в состав собственных наименований: *Желѣзная врата* (1395); *близь Воротъ Желѣзных* (1318).

Прилагательное *каменныи* в летописном тексте прежде всего используется для определения понятия *церковь*. Частое использование сочетание *каменная церковь* связано с особым вниманием летописца к строительству храмов, которое активно происходило в период формирования Московского государства. Прилагательное *каменныи* в основном отмечается в летописном тексте с одним -н-, так как в нем произошла ассимиляция суффиксального согласного -н- с конечным согласным корня, хотя в единичных случаях встречается написание данного образования с двумя -нн-: *крѣпости каменныя* (1451); *ис каменного гробу* (1479). Синтагмы, включающие прилагательное *каменныи*, отличаются определенными грамматическими особенностями: чаще всего они выступают в форме винительного падежа, где субъектом действия является конкретное историческое лицо: *заложу князь велики Всеволодъ церковь камену* (1191), реже – именительного, где сказуемое выражено формой страдательного залога: *создана бысть на Москвѣ церковь камена* (1458). В краткой форме данное прилагательное фиксируется в устойчивых словосочетаниях, свойственных деловому языку, типа: *поставилъ церкви камни* (1152); *постави погребы камни* (1377). В полной форме оно чаще всего определяет то же существительное *церковь*, однако в синтагмах свободного характера, в отрывках событийного содержания, в основном при описании стихийных бедствий и пожаров, например:

«В Кыевѣ же церкви каменные и дръвяные колѣбахуся и вси людье от страха не можаху стояти» (1196); «И церкви каменные распадашася и стѣны градныя каменные падоша въ многих мѣстех» (1443). Как в краткой, так и в полной форме прилагательное **каменныи** может определять и другие существительные, выступая в прямом значении: *стѣны камены* (1382); *въ гробѣ каменѣ* (1479); *на дворѣ камену* (1450); *раку камену* (1479); *на подклѣтех каменных* (1475); *стены каменные* (1262); *полаты каменные* (1328); *градные каменные зубци* (1428). Переносное, метонимическое значение «относящийся к занятиям, связанным с камнем» реализуется в летописном контексте в одном примере: *каменое дѣло* (1479). Членная форма прилагательного **каменныи** отмечается также в сочетании с именами собственными - названиями церквей: *Възнесенье каменое* (1465); *Богоявление каменое* (1472, 1480).

Другие прилагательные, мотивированные существительными с вещественным значением, представлены единичными примерами: *сабли булатныя* (1472); *в кваснем хлѣбѣ* (1437); *полату кирпичну* (1475); *врата мѣдна* (1096); *мѣдным лиянием* (1247); *на масленой недѣле* (1404) и др. Они могут использоваться в качестве образного языкового средства, например в составе метафорического сравнения, что является редкостью для летописного языка: *слезы его лежащи на скранию его, яко женчюжная зерна свѣтлаа* (1167).

3. Третью группу составляют прилагательные, образованные от имен существительных, обозначающих предметы и явления природы.

Прилагательные **земныи** и **небесныи** выступают только в традиционных религиозных значениях. Они могут отмечаться в устойчивой конструкции с противопоставлением: *птицам небесным... и звѣрем земным* (1247). Данные адъективы неоднократно употребляются в житии Дмитрия Донского, сохраняющем элементы традиционного агиографического стиля, где они реализуют широкое отвлеченно-религиозное значение в составе синтагм формульного характера: *настолование земнаго царства* (1389); *приимишу небесна селения* (1389); *предержа земное царство и къ небесному приближаяся* (1389); *земныи аггель, небесныи человѣкъ* (1389).

Прилагательное **огненыи** также отмечается в устойчивом употреблении, причем не в значении «состоящий из огня», а в переносном – «имеющий вид огня, подобный огню». При этом полная форма прилагательного употребляется в сочетаниях с существительными отвлеченного значения: *силу огненную* (1074); *огненное видѣние* (1421); *истомы огненна* (1451), в то время как краткая – с существительными конкретного значения: *3 столпы огнены* (1159); *облак огненъ* (1280); *огнены зари* (1360). Прилагательное, образованное от синонима слова **огнь** – **пламя** отмечается лишь однажды в конкретном значении в контексте военного содержания: *стрѣлы пламенныи* (1380).

Прилагательные, мотивированные существительными со значением явлений природы, используются при описании знамений. При этом они часто входят в состав сравнительных конструкций: *бысть знамение на небеси... акы пожарнаа заря* (1102); *видѣста 3 столпы, акы дуги зарнии* (1091). Компаративные конструкции, включающие подобные прилагательные, используются

при описании не только явлений природы, но и проявлений человеческих чувств, например: *и слезы от очю яко быстрины рѣчныя испущаюци* (1389).

Прилагательное *солнечныи* отмечается только в членной форме в конструкциях темпорального значения всегда с предлогами и определяет существительные, называющие явления природы: *по заходѣ солнечнѣмъ* (1223); *до захоженья солнечнаго* (1469); *с въсхода солнечнаго* (1472).

В значениях производных прилагательных отражаются те семантические сдвиги, которые происходят в семантике производящих существительных: так, *пустошь* на базе значения «заброшенный или незаселенный участок земли» развивает значение «пустое, пустыяки». Производное от данного существительного прилагательное *пустошныи* отмечается в летописи со значением «пустой, суетный, ничтожный», возникшим на базе вторичного значения мотивирующего слова: *пустошныхъ бесѣдъ* (1389).

В отдельных случаях прилагательные данной группы могут выступать в летописи в субъектном значении, что характерно для старорусского периода истории языка. В сочетании с отглагольными существительными они обозначают отношение к предмету как к активному производителю действия, например: *течение звѣздное* (1202).

В летописи отмечаются и другие адъективно-субстантивные конструкции, не свойственные современному русскому языку, например словосочетание тавтологического характера: *путьному шествию* (1395), значение которого соответствует сложному слову «путешествие».

4. Значительную группу в летописном тексте составляют прилагательные с суффиксом -н-, образованные от существительных, обозначающих пространственные и временные понятия. Они объединяются в дву- и многочленные ряды в зависимости от значения производящих существительных. Прилагательные, связанные с существительными со значением частей света, представлены четырьмя соотносительными по значению словами: *восточныи, западныи, сѣверныи, южныи*. Адъектив *восточныи* выступает как в прямом локальном значении «лежащий к востоку»: *восточною страною* (1346); *восточныи земли* (1437); *къ вѣсточнымъ вратомъ* (1078); так и в переносном – «православный», специализировавшемся в результате метонимического переосмысления: *церковь вѣсточнаа* (1437); *вѣсточныхъ митрополит* (1437). В стилистически возвышенном контексте, в «Житии Дмитрия Донского», данное прилагательное употребляется в метафорическом контексте: *звѣзда вѣсточная, по что к западу грядеши* (1389), где оно мотивировано словом *востокъ* в значении «восход небесных светил» и противопоставлено существительному *западъ* в значении «заход жизни». В данном случае в семантике прилагательного *восточныи* локальное значение совмещается с качественным. Подобное переносное употребление прилагательных не характерно для погодных статей конкретно-исторического содержания.

В отличие от прилагательного *восточныи, западныи* практически всегда употребляется в сочетании со словом *страна*: *западныхъ странъ* (1241). Лишь в одном примере в конструкции с прилагательным *восточныи* оно выступает с религиозным значением: *вѣсточныя церкви съ западными* (1440).

Прилагательные *сѣвернии* и *южнии* также отмечаются прежде всего как атрибутивные компоненты в сочетаниях со словом *страна*: *от северныя страны* (1237); *от южныя страны* (1474). В остальных случаях их употребление контекстуально обусловлено и связано с указанием на расположение отдельных элементов церкви: *близ сѣверных врат церковных* (1472); *сѣверные двери церковные* (1473); *възлѣ южнии двери* (1459); *на стѣну южную* (1474).

Существительные или наречия с пространственным значением, выступающие в качестве производящих основ для прилагательных на -ън- (-ън'-), распределены по принципу дихотомии: *верхъ – низъ, северъ – югъ, западъ – востокъ, передъ – задъ, близъ – даль*. Указанное противопоставление сохраняется в производных от них адъективах. Адвербиальные основы со значением пространства и времени осложняются в основном суффиксом -ън'-, производным от -ън-. Они могут актуализировать в своем значении разные оттенки семантики производящих слов. Так, прилагательное *верхнии* выступает как с чисто пространственным значением «расположенный вверху»: *верхняя страны* (1366), так и со специальным значением «расположенный выше по течению, со стороны верховья»: *верхнюю землю* (1148), обусловленным одним из переносных значений производящего существительного *верхъ* «верховье, исток». Синонимическое прилагательное *вышнии* тоже может выступать в летописном тексте с пространственным значением «расположенный выше окружающей местности»: *вышнего... города* (1410). Однако в цитате библейского содержания оно репрезентирует более отвлеченную семантику «верховный, владычествующий», выступая как устойчивый эпитет бога: *вышняго бога* (1437). Антонимическое прилагательное *нижнии* отмечается в основном в составе устойчивого собственного наименования: *Новъгород Нижнии*, реже – в свободном употреблении: *нижняя скалы* (1204); *на нижнюю землю* (1472).

Целый ряд прилагательных данной группы соотносится с субстантивно-адвербиальными и предложно-адвербиальными основами [3, с. 17], где производящее слово указывает на положение в пространстве. Так, *переднии (преднии)* мотивируется наречием *передъ* в значении «впереди». Более широкий семантический объем имеет неполногласная форма данного адъектива, что отражается словарями, в которых отмечается до 13 значений слова *преднии*, при том, что *переднии* имеет 4 значения. Оба варианта выступают прежде всего с прямым пространственным значением: *переднюю луку сѣдла* (1149); *у передних дверей* (1476); *преднии городы* (1164); *предние двери* (1475); *преднюю стѣну* (1428). Они могут иметь специальное военное значение «находящийся, действующий в авангарде»: *с переднею дружиною* (1172); фразеологическое значение «знатные люди, приближенные к государю»: *переднии муж* (1160). *Преднии* выражает разные оттенки временного значения вплоть до противоположных, иллюстрируя энантиосемию. С одной стороны, оно означает «будущий, последующий»: *предняя лѣта* (1365), с другой – «прежний, бывший ранее»: *преднее добро* (1447); *при предних князехъ* (1469).

Соотносительное прилагательное *заднии* отличается меньшей частотностью употребления и отмечается как в прямом значении: *заднюю (стѣну) въ олтари* (1428), так и в специальном военном значении в субстантивированной форме: *постигоша задних его* (1150).

Прилагательные *далнии – ближнии*, также мотивированные наречиями, обозначают прежде всего расположение в пространстве: *далняя страны* (1204); *дальних мѣстъ* (1263); *грады далние* (1389); *далнѣи пустыне* (1447). Они фиксируются и в переносном значении, характеризуя духовные или родственные отношения: *напасти и убыткы всѣмъ челоуѣкомъ здѣшася и бошим и меншим и ближним и далним* (1408).

Некоторые прилагательные закрепляются в составе лексики, связанной с феодальной терминологией. Например, субстантивно-адъективные сочетания со словом *мѣстныи* выступают со специальными значениями: «воевода удельного князя»: *воевод мѣстных* (1380); «воинское облачение, доспехи определенного войска»: *одежи мѣстны* (1380); «мелкий удельный князь»: *князем мѣстным* (1406).

Прилагательные, выражающие темпоральные значения, вступают в разнообразные семантические отношения. Например, идеографические синонимы *конечныи и послѣднии* выступают как антонимы к слову *начальныи*. Семантические оттенки синонимов обнаруживаются в сопоставлении производящих основ: одно соотносится с основой существительного *конецъ*, обозначающего «окончание, завершение ч.-л.», другое – с наречием *послѣдъ*, обозначающим «потом, после». Поэтому *конечныи* – это прежде всего «заключительный», а *послѣднии* – «следующий после, позже всего». При этом *конечныи* в летописном тексте часто актуализирует семантику «связанный со смертью»: *конечное цѣлование* (1389); *конечного ради любомудрия и цѣломудрия* (1406).

Поскольку в летописном повествовании *конечныи* и *послѣднии* могут использоваться для обозначения временного предела человеческой жизни, они становятся синонимичными прилагательному *смертныи*, которое, однако, отмечается лишь однажды в качественном значении: *горестъ смертная* (1382). Кроме того, они могут выступать в одном смысловом ряду: *послѣднее и конечное цѣлование* (1406).

Временное значение адъектива *послѣднии* может актуализироваться в сочетании с существительными темпоральной семантики: *последнее время* (1396); *на послѣднихъ лѣтахъ* (1469); *послѣднему часу ноци* (1473). Древний синкретизм подобных образований обнаруживается в их способности определять понятия самого разнообразного характера, обозначать пределы в самых разных смыслах: *на послѣднемъ издыхании* (1441); *до послѣдние наготы* (1373); *в последней главизнѣ* (1318).

Антонимическое прилагательное *началнии* фиксируется только в отвлеченном значении, не связанном с временными или пространственными характеристиками. Оно мотивируется существительным *начало* в значении «первое, главное место», выражая значение «первый по значению, старший, верховный»: *началнии священници* (1472).

Прилагательные, имеющие темпоральное значение, составляют и многочисленные оппозиции: *вечернии, утреннии, дневныи, нощныи*. В большинстве случаев отмеченные образования отмечаются только в контекстах религиозного содержания и в сочетании с существительными соответствующей семантики, кроме прилагательного *вечернии*, которое фиксируется не только в религиоз-

ном значении. Оно может иметь временное значение: *въ вечернюю годину* (1186); *въ вечернюю зарю* (1402); пространственное значение «западный»: *къ вечерним странам* (1247). В контексте религиозного содержания «Принесение мощи чудотворца Петра митрополита» оно имеет специализированное значение в составе устойчивого словосочетания религиозного значения: *вечерняя нѣвня* (1472). Прилагательные *нощнии* и *дневнии* отмечаются только один раз в части, совпадающей с «Повестью временных лет», в сказании о преставлении Феодосия Печерского: *въ молитвах нощних и дневных* (1074). Адъектив *утреннии* также представлен только одним словоупотреблением в субстантивированной форме женского рода с религиозным значением «утреннее богослужение»: *утреннюю нѣти* (1479).

Среди обозначений, связанных с временами года, в летописном тексте отмечаются только *зимнии* и *лѣтнии*. Если прилагательное *зимнии* выступает только в прямом значении: *въ зимнѣе время* (1242), то соответствующее прилагательное *лѣтнии* употребляется как в прямом значении: *лѣтнее время* (1469), так и в составе устойчивых терминологических сочетаний, обозначающих промежуточные части света: «северо-запад»: *на лѣтнѣмъ западѣ* (1402); «северо-восток»: *лѣтнего въсхода* (1472).

Остальные прилагательные, мотивированные существительными с пространственно-временным значением, не составляют оппозиций, соотносясь с понятиями, не противопоставленными по данным признакам. Такие адъективы могут быть связаны с существительными широкого значения, например гиперонимом *время*. При этом производные прилагательные часто выступают в устойчивых словосочетаниях, имеющих специальное значение: *временныя книги* (1469) – «летописи».

К частотным формам летописного текста относится прилагательное *вѣчныи*, которое в контекстах военного содержания актуализирует темпоральный компонент семантики «долговременный, рассчитанный на большой срок», связанный со значением производящего существительного *вѣкъ* «определенный период времени». Оно выступает в устойчивой конструкции со словом *миръ* в форме винительного падежа, выражающего объект действия, где прилагательное стандартно находится в постпозиции к определяемому существительному и где изменяется только грамматическая форма управляющего глагола, типа: *взяша миръ вѣчныи* (1323). В контекстах религиозного содержания данное прилагательное выступает с более широкой семантикой «не ограниченный сроком, нескончаемый», «постоянный», обусловленной другим значением слова *вѣкъ* – «вечность»: *вѣчное спасение во господа* (1437); *от бога вечное дарование* (1437). В религиозных контекстах оно может реализовывать и специальное, фразеологичное значение «свойственный потустороннему миру, противоположный земному, смертному»: *путь вѣчна война истинному царю Христу богу нашему* (1269). Производное приставочное образование *превѣчныи*, в котором приставка пре- указывает на интенсификацию основного признака, также употребляется в значении «вечный, не имеющий конца», являясь одним из устойчивых атрибутов бога: *боже превѣчныи* (1241).

Среди прилагательных данной группы отмечаются и такие, которые постепенно деэтимологизируются. Так, адъектив *древнии* был связан с наречием *древле*, которое позже вышло из употребления. Прилагательное *древнии* может характеризовать временной предел как по отношению к неодушевленным понятиям «относящийся к древности, далекому прошлому»: *в древняя дни* (1241), так и в применении к человеку – «очень старый, ветхий»: *от древних старецъ* (1330); *къ древним отцемъ* (1477). В значении прилагательного *древнии* актуализируются разные компоненты значения производящего наречия *древле*, которое могло обозначать не только «в древности», но и «раньше, прежде». Поэтому и *древнии* выступает со значением «прежний»: *древнии цереве* (1395). В данном значении оно синонимично прилагательному *прежнии*, соотносимому с наречием *преже* «раньше, прежде». *Прежнии* отличается высокой частотностью употребления, выступая в сочетаниях с именами существительными личной, конкретно-предметной и, наконец, отвлеченной семантики: *от прежних князеи* (1392); *великими княгинями прежними* (1462); *в прежнем проречении* (1415); *на прежнем мѣсте* (1472); *прежней папа* (1472); *по прежнему обычаю* (1469); *прежънее благое съединение* (1437).

Всего два прилагательных мотивированы основами существительных со значением дней недели: *недѣльнии* и *суботнии*. Они употребляются только в сочетании со словом *день* и только в значении «относящийся к воскресенью, субботе»: *недѣльнии: въ день недѣльнии* (1155); *въ день суботнии* (1318).

5. Последнюю группу составляют прилагательные с суффиксом *-ьн-*, образованные от имен существительных отвлеченного значения. Они отличаются разнообразием словообразовательных значений, способностью к семантическим изменениям, связанным со стремлением к развитию большей качественности и безотносительности признака. Как отмечал А.А. Потебня, «связь прилагательного относительного с его первообразным существительным становится в сознании более и более отдаленною, увеличивается его отвлеченность, безотносительность, качественность, ибо качественность прилагательного есть лишь другое имя его безотносительности» [7, с. 414]. «В старом языке прилагательное истиньнѣ, оумьнѣ, праведьнѣ... и пр. – имеющий какое бы ни было отношение к истинѣ и пр., отношение в точности уясняемое лишь контекстом; в новом они значат: имеющий свойство истины, ума, правды... и т. д.» [7, с. 414].

О развитии качественных оттенков семантики у имен прилагательных подобного типа свидетельствует возможность их употребления с отрицательной приставкой *не-*, приставкой *пре-*, выражающей усиление признака. В летописном тексте отмечается целый ряд пар, типа: *вѣрнии – невѣрнии, праведнии – неправеднии, славнии – неславнии, чуднии – пречуднии, честнии – пречестнии* и под. Прилагательные *вѣрнии – невѣрнии*, употребляясь в устойчивом религиозном значении, приближаются к действительным или страдательным причастиям. Так, *вѣрнии* имеет значения «верующий»: *вѣрныхъ людеи* (1162); «преданный, заслуживающий доверия»: *жена вѣрна* (1238); *вѣрнаго раба* (1318); «давший клятву, присягу»: *вѣрному князю* (1243); «истинный, соответствующий действительности, правильный»: *вѣрное слово* (1432). *Невѣрнии*

имеет противоположное значение: «не верующий в «истинного» бога»: *людеи невѣрных* (1417).

Праведьный мотивировано суффиксальным существительным с формантом -ѣд(а). В качестве адъективной формы оно выступает как устойчивое определение бога в значении «справедливый»: *боже праведный* (1241). Чаще оно отмечается как субстантивированная форма, реализуя значение «праведник», в котором отражаются такие оттенки семантики производящего слова **правда**, как «справедливость; праведность, благочестивость». Прилагательное **неправедный** выступает как с общим значением «несправедливый, нечестный»: *неправедное осуждение* (1318), так и с социальной семантикой «незаконный, противозаконный» в соотнесении со словом **правда** в значении «установление, правило, закон»: *неправедного соборща* (1417). **Неправедный** также может выступать в значении существительного «неправедный, творящий беззаконие».

Прилагательное **славный** отмечается в летописи как в членной, так и в нечленной форме преимущественно в сочетании со словом **градъ (городъ)**, которое практически во всех случаях выступает в неполногласном варианте и лишь один раз в полногласном, что свидетельствует об особой стилистической функции данного сочетания: *град их славный* (1164); *ко городу ко славному Дедакову* (1277). Нечленная форма прилагательного **славный** отмечается в сочетании с другими существительными как в предикативной функции: *брань бо славна лучшии мира лестна* (1185); *славна бысть земля их...* (1268), так и в атрибутивной: *единого Татарина нарочита и славна* (1382). В полной форме данное прилагательное отмечается в составе устойчивого сочетания религиозного характера, характеризующегося архаичной флексией -аго и выражая значение, близкое к страдательному причастию, «прославляемый»: *на память святого и славнаго победоносца великомученика Георгия* (1271). В данном примере прилагательное **славный** входит в состав устойчивой парной формулы, моделирующей концепты традиционного сознания. В парных конструкциях происходит актуализация тех или иных компонентов значения производного адъектива, например, в сочетании с прилагательным **нарочитый** реализуется социальный компонент значения прилагательного **славный** – «знаменитый»: *бѣ родомъ от славных и нарочитых бояръ Черниговъских* (1377). Данное образование может употребляться и в составе парной конструкции с антонимом с приставкой не-: *народи Московъстии... малые и великие, славнии и неславнии* (1472). Однокоренное прилагательное с префиксом пре-, выражающим интенсификацию признака, **преславный** контекстуально закреплено за описанием событий, имеющих отношение к богородице: или характеризует чудесные события, связанные с ней, или является устойчивым атрибутом в составе традиционной формулы: *преславное чудо богоматере* (1395); *преславная владычице наша богородица* (1395).

Прилагательное **чюдный** в членной форме употребляется в сочетании со словом **икона** или выражением, заменяющим его, в значении «чюдотворная»: *чюдную мать божию Владимирскую* (1177); *икону чюдную святых богородица* (1410). Оно также используется при характеристике религиозных деятелей в значениях «достойный прославления»: *мужи чюдных* (1074); «почитаемый, чтимый»: *чюдный онъ и преподобный старецъ* (1374). В нечленной форме

прилагательное **чюдныи** употребляется как определение конкретных неодушевленных предметов, чаще всего в предикативной функции в значении «достойный удивления»: *бѣ великъ и чюдень градъ* (1382); *бысть же та церковь чюдна велми* (1479); *часы чюдны* (1404); *трапезу чюдну* (1204). В семантике данного образования отчетливо выделяются вербальные компоненты, что свидетельствует о его опосредованной через корневое имя **чудо** зависимости от глагола **чюдити** со значением «восхвалять, прославлять». Образование **пречюдныи** отмечается дважды и также в сочетании со словом **икона**, причем в выражении, содержащем однокоренные имена прилагательные, что усиливает значение: *пречюдную и чюдотворную икону* (1395).

Особую стилистическую маркированность имеет прилагательное **честныи**, обозначающее качество, относящееся к семантико-аксиологическим константам средневековья. Оно отмечается прежде всего в синтагмах со словом **крестъ**, имеющих устойчивый формульный характер и отличающихся высокой частотностью употребления в летописном тексте, где **честныи** имеет символическое значение «священный». В семантической структуре производного адъектива **честныи** преобладают вербальные оттенки значения, актуализируется соотношение не с существительным **чѣсть** в значении «почитание», а с глаголом **чѣтити** в значении «почитать, уважать». В сочетании с именами лиц, связанными с религиозной сферой, оно реализует значение «достойный почитания, почитаемый»: *честныи папа* (1437); *честных иерѣвъ и калугерь* (1437); *игумени честнии* (1097); *честна святителя* (1377). Прилагательное **честныи** в контекстах религиозного характера может также определять наименования частей тела: *отрѣза честное сердце его* (1318); *честное тѣло* (1318); *честную главу* (1246). Оно может определять и понятия отвлеченного значения, характеризуя качества церковного деятеля: *въ старости честнѣ и глубоцѣ и в сѣдинѣ честнѣ* (1377). В других случаях данное прилагательное отмечается в контекстах религиозного содержания в устойчивых многочленных конструкциях: *въ храмѣ поклоненья честных вериг* (1353); *въ честнѣи обители святыхъ Троица* (1392); *въ время принесения честных мощей святаго* (1472); *заступлениемъ честных небесных сил* (1472). Об особой стилистической функции адъектива **честныи** свидетельствует возможность его употребления в нестяженной форме: *мѣсть честных* (1207). Характерно, что с нерелигиозной семантикой прилагательное **честныи** отмечается только один раз: *честному королю* (1469). Соответствующее образование с префиксом пре- отмечается только один раз в гендиадисе: *от благородну и пречестну родителю* (1389).

Образование **лестныи** в значении «коварный, лживый» характеризует существительные, имеющие обобщенное значение предметности: *въѣсть лестную* (1380); *лестными рѣчми* (1437). Оно может выступать как субстантивированная форма в контекстуальном противопоставлении с существительным **правда**: *еже отместе правду, а лестнаа и ложная любите* (1437), где **лестныи** связано со словом **лестъ** в значении «ложное учение, заблуждение, ересь». Производное прилагательное с префиксом пре- **прелестныи** отмечается лишь один раз в гендиадисе в значении «обманчивый, ошибочный»: *суемысленаа и прелестная их положениа* (1437).

Поскольку суффиксы прилагательных не несли стилистической нагрузки, стилистическую маркированность производные адъективы приобретают в соотнесении с производящими основами возвышенной религиозной семантики. В летописном тексте отмечается целый ряд подобных форм на -ън-: *грѣшныи, ересныи, молебныи, молитвенныи, служебныи, обѣтныи*. Они мотивируются как существительными с отвлеченным значением: *грѣхъ, ересь*, так и существительными, обозначающими церковные обряды: *мольба, молитва, обѣтъ*. Слово *молебныи* отмечается в летописи только в религиозном значении «относящийся к молению, молитве», хотя в языке оно имело и более широкую семантику «содержащий мольбу, просительный»: *пѣня молебная* (1395); *молебными правилами* (1395). В основном оно отмечается в лексикализованной форме среднего рода *молебное* в значении «молебен». Синонимическое образование *молитвенныи* отмечается лишь один раз в значении адъектива: *въ молитвенных речени* (1437).

Образование *обѣтныи* обладает широким семантическим объемом, связанным с разнообразием значений производящего существительного *обѣтъ*. В летописном тексте оно реализует только значение «сделанный по обету, обещанию»: *церковь обѣтная* (1468). Прилагательное *служебныи* также имеет широкий набор значений, однако в тексте летописи оно выступает только с узко религиозной семантикой «относящийся к богослужению» в соотнесении со словом *служба* в значении «богослужение»: *воду служебную* (1441); *съ суды служебными* (1204).

В однокоренных образованиях *духовныи – душевныи* суффикс -ън- осложняет основу на -ов-, -ев-. По мнению А. Мейе, тип прилагательных на -овънъ возник под влиянием образований от существительных с основой на -й [5, с. 293]. Прилагательное *духовныи* всегда отмечается в составе адъективно-субстантивной синтагмы со словом *отець* в значении «духовник». Прилагательное *душевныи* в основном выступает в устойчивой синтагме с существительным конкретного значения *грамота*, имеющей значение «духовная грамота, т. е. духовное завещание». Связь с производящим существительным *душа* у прилагательного *душевныи* может быть более актуальной: *да умягчить господь нивы душевныа сердець ваших* (1437).

Прилагательные на -ън- соотносятся с существительными, обозначающими разнообразные психические состояния человека: *печаль, обида, жалость, любовь, радость, скорбь, страсть, страхъ, ужасъ* и др. Часть образованных от них производных прилагательных организуется в синонимические пары: *печальныи – скорбныи, страшныи – ужасныи, любовныи – страстныи*. Для летописного текста нехарактерно описание душевных переживаний человека, поэтому употребление подобных прилагательных имеет специфические особенности. Образование *печальныи* отмечается либо в предикативной функции в сочетании с глагольной связкой всегда в нечленной форме: *печалень бысть велми* (1147); *быша Новгородци печальни* (1270) и под., либо в значении существительного: *печальным великую утѣху* (1238). Синонимическое образование *скорбныи* употребляется только один раз в предикативной функции: *князь... скорбен бысть* (1469).

В летописном тексте частотно образование *страшныи*, которое прежде всего используется для определения понятий, относящихся к природным явлениям, реже – для определения отвлеченных понятий. Оно выступает как в предикативной, так и в атрибутивной функции, как с первичным значением «внушающий страх, ужасный», «наполняющий страхом», так и с переносным – «сильный», «великий»: *знамение бысть в лунѣ страшно* (1160); *шумъ страшень* (1241); *громъ страшень* (1274); *морь великъ и страшень* (1364); *крикъ страшень* (1382); *страшныи огонь* (1230); *туча страшныа* (1426); *страшныа и грозныа вѣсти* (1395). Кроме того, образование *страшныи* употребляется в словосочетании терминологического характера: *страшныи суд* (1400). Синонимическое прилагательное *ужасныи* употребляется один раз с качественным значением «чрезвычайный»: *нужа ужасная* (1382).

Некоторые производные прилагательные в составе терминологизированных сочетаний практически утрачивают связь с производящей основой, например *страстныи*. В сочетании со словом *недѣля* оно имеет значение «седьмая неделя великого поста, посвященная памяти страданий Спасителя» и используется для указания на время протекания того или иного события: *страстныа недѣля* (1105). Другие прилагательные такую связь сохраняют, например *любовныи*, которое имеет значение «относящийся к любви, дружбе»: *с любовною рѣчью* (1160).

Многие прилагательные данной группы соотносятся с существительными со значением отвлеченного действия, у которых сильна связь с глаголами: *хвальныи, похвальныи, поносныи, хульныи, пагубныи, блудныи, враждебныи* и др. Большинство производящих для них существительных характеризуется нулевым словообразовательным показателем и связью с беспрефиксными глаголами, например *хвала, хула, блудъ*; некоторые соотносятся с префиксальными глаголами, например *похвала, пагуба*; незначительное количество – с производными существительным с другими суффиксами, например с суффиксом -ѣда – *вражда*.

Ряд адъективов мотивирован существительными с обобщенным значением предметности: *законныи, истинныи, ложныи, степенныи*.

Таким образом, суффикс -н- относится к самым продуктивным словообразовательным средствам, оформляющим производные имена прилагательные в тексте Московского летописного свода 1479 года, как и в языке вообще. Он присоединяется к основам имен существительных, глаголов, наречий разнообразной семантики, охватывая все лексико-семантические группы субстантивов в качестве производящих основ. Наибольшую группу в летописи составляют имена прилагательные, мотивированные основами существительных отвлеченного значения. В большинстве случаев они входят в состав устойчивых терминологизированных словосочетаний или определяют понятия, связанные с религиозной сферой, так как внутренний мир человека еще не является объектом описания древнего книжника. Многие из подобных прилагательных способны к разнообразным типам семантических переосмыслений, расширяя или, наоборот, сужая свой семантический объем в контексте летописной статьи в рамках определенных адъективно-субстантивных синтагм. Именно эта группа адъективов обнаруживает стремление к развитию большей качественности и

безотносительности признака. С другой стороны, в летописном тексте, отличающемся документализмом повествования, важное место занимают прилагательные, мотивированные существительными с пространственным и временным значением. Они выступают как атрибуты-конкретизаторы, определяющие предметные понятия в их локальной, темпоральной отнесенности, а также по их составу и природным свойствам.

Summary

I.V. Yerofeyeva. Adjectives Derived from Nouns with the Help of the Suffix *-ън-* in Moscow Chronicle of 1479.

The article is devoted to the functional specifics of the derivative adjectives with the suffix *-ън-* in the text of Moscow Chronicle of 1479. The author reveals the cases of free and bound use of adjectives in combinations having the character of set phrases. The semantic structure of such adjectives, and their grammatical distribution are defined; syntagmatic specifics and relationships of words on word-formation level are analyzed. This gives a complete idea of the specific usage of derivative adjectives in the Old Russian period of the Russian Language history.

Литература

1. Белошапкова В.А., Земская Е.А. Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. V. – С. 4–25.
2. Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. – М.: Наука, 1969. – 232 с.
3. Зверковская Н.П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI – XVII вв. – М.: Наука, 1986. – 112 с.
4. Колесов В.В. История русского языка. – СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. ун-та; М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 672 с.
5. Мейе А. Общеславянский язык. – М.: Изд-во иностр. лит., 1951. – 492 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учеб.-пед. изд-во м-ва просвещения РСФСР, 1956. – 512 с.
7. Потемня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1968. – Т. III. – 551 с.

Поступила в редакцию
16.11.07

Ерофеева Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.